
Т. Н. ГАЛАШЕВА

**Неизданная статья В. И. Малышева
«Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов»**

Уже самые ранние статьи В. И. Малышева, посвященные протопопу Аввакуму, сопровождались приложением, которое, казалось бы, не было напрямую связано с обнаруженными ученым историческими рукописными материалами. В этой части публиковались прозаические выписки из новой литературы — высказывания русских писателей о Житии протопопа Аввакума.¹ «Приводимые высказывания имеют целью показать, что русские писатели различных идейных направлений одинаково высоко ценили язык и стиль сочинений Аввакума, признавая крупные литературные достоинства его произведений, яркость и своеобразие его народного языка», — пишет В. И. Малышев.² Вопрос о значении образа Аввакума в художественной литературе был поставлен ко времени: своеобразным ответом на него послужили работы Е. А. Маймина, И. З. Сермана, А. И. Мазунина и других ученых.³

¹ См.: *Малышев В. И.* 1) Заметка о рукописных списках жития протопопа Аввакума. (Материалы для библиографии) // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 388–391; 2) Известные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 404; 3) Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917–1953 годов // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 436, 443–444; 4) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 583, 589.

² *Малышев В. И.* Заметка о рукописных списках жития протопопа Аввакума... С. 388.

³ *Маймин Е. А.* Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 501–505; *Серман И. З.* Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 404–407; *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 408–412 (есть основания полагать, что тема первой публикации А. И. Мазунина в ТОДРЛ была предложена его вдохновителем В. И. Малышевым. Так, о поэме А. Несмелова А. И. Мазунин сообщает: «Указана мне В. И. Малышевым, рукописной картотеккой которого по Аввакуму я пользовался при работе над статьей»; ср. также письмо А. И. Мазунина от 14 июня 1956 г.: «Закончил свою работу, которую писал по Вашему доброму совету об отноше-

В 1968 г. Владимир Иванович, рассматривая пути изучения наследия Аввакума, особое внимание по-прежнему обращал на роль образа протопopa в русской культуре. По мнению В. И. Малышева, несмотря на то что «образ Аввакума и его произведения <...> не перестают привлекать к себе внимание и советских деятелей культуры и литературы», тема «Протопоп Аввакум в русской литературе XVII—XX вв.» остается одной из насущных. Ее разработка «показала бы огромное влияние творчества и личности Аввакума на русскую культуру последующих веков».⁴ Архив ученого свидетельствует, что сам В. И. Малышев непрестанно занимался поиском материалов для изучения этой темы.

В кабинете В. И. Малышева в Древлехранилище Пушкинского Дома в так называемом «аввакумовском» шкафу хранятся собранные ученым исследования и публикации о протопопе. Среди них имеется особая папка — «Аввакум в художественной литературе». В ней, помимо печатных изданий и газетных вырезок, находятся также машинописные и рукописные копии стихотворений, в которых упоминается имя Аввакума. Некоторые из них — с дарственными надписями ученому (стихи Я. А. Гордина «Баллада о протопопе Аввакуме», А. Я. Маркова «Владимиру Малышеву», В. В. Смирнского «Конец протопопа Аввакума», В. Т. Шаламова «Аввакум в Пустозерске» и др.). Сохранились пометы Владимира Ивановича;⁵ некоторые стихотворные выписки сделаны его рукой (за ссылкой на печатный источник в них следует указание на фамилию того, кто сообщил об этих стихах); в газетных вырезках имя Аввакума подчеркнуто красным карандашом. Ряд небольших поэтических книжек, стоящих здесь же, хранит следы вдумчивого чтения: в сборнике С. С. Орлова «Верность» (М., 1973) заложены стихи «Ах, этот протопоп опальный...»; в сборнике Р. В. Филиппова «Солнечная пурга» (М., 1969) на полях стихотворения «Протопоп Аввакум» вписана глосса: «Курья — (по-забайкальски) один из тихих протоков реки»; имеются и другие пометы.

Еще более обширное «собирательство» в этой области обнаруживает рабочая часть архива Малышева, хранящаяся в письменном столе ученого: здесь в «аввакумовской» папке на десятках карточек выписаны строки художественных произведений, так или иначе связанные с Аввакумом. Сплош-

ниях Аввакума и Аф. Пашкова» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, № 778). Переписка 1957—1958 гг., современная статье, не сохранилась); Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 49—51; Робинсон А. Н. Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века // Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 3—10. (А. Н. Робинсон отмечает: «Высказывания об Аввакуме Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова, Б. Модзалевского были указаны нам В. И. Малышевым, которому приносим сердечную благодарность».)

⁴ Малышев В. И. Об изучении наследия протопопа Аввакума // РЛ. 1968. № 4. С. 92.

⁵ К примеру, на стихах С. В. Петрова содержится запись: «1960 г., Петров Сергей Владимирович, переводчик, живет в Новгороде, телефон матери <...>»; на стихах, присланных Я. А. Гординым и В. Т. Шаламовым, имеются пометы: «Отличается от напечатанного».

ное прочтение найденных Владимиром Ивановичем и его помощниками⁶ свидетельств памяти о протопопе создает некий устойчивый образ, живущий в культуре независимо от Аввакума исторического. Этот образ становится важен уже сам по себе — прежде всего как символ известных человеческих качеств.

Хроника «Трудов отдела древнерусской литературы» сообщает, что в 1969 г. (23—25 апреля) на совещании «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX вв.» В. И. Малышев прочел доклад «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов».⁷ Тезисы доклада не изданы. В рабочей части архива ученого обнаружился машинописный вариант статьи с таким же названием, возможно, относящейся к этому времени. Сведений о ее публикации в каком-либо виде нам найти не удалось.

Уже в начале статьи Малышев говорит о необходимой «призме поэтического восприятия», сквозь которую изображаются исторические события. Эта вполне предсказуемая особенность поэтических текстов тем не менее вступает в некоторый конфликт с историческим взглядом ученого. Поэтому «Аввакум Волошина сентиментально-гуманистичен, в нем нет и следа исторического Аввакума-борца», а Аввакум Василия Федорова «страдает неоправданными поэтическими излишествами». Владимир Иванович указывает на «вольное обращение с отдельными фактами» в стихотворении Варлаама Шаламова; приводит черты биографии протопопа, домысленные Андреем Вознесенским. Отклоняя вольности, которые могут затемнить для читателей историческую судьбу Аввакума, В. И. Малышев все же вполне одобряет смелость поэтического сопоставления. Так, отдельный сюжет исследования — стихотворения советских поэтов о пребывании Аввакума в Братском остроге: в Братске новая действительность вступает в диалог с прошлым. В стихотворении Якова Белинского «Жгут старый Братск» Малышев находит «сильный образ», соединивший судьбы города и его бывшего узника.

В статье В. И. Малышев обращается к вопросу о том, чем близок Аввакум современному человеку. В советской поэзии наиболее интересным для ученого оказывается живое восприятие современниками Аввакума — не учителя, не пророка. Таков Аввакум в строках О. Ф. Берггольц (в статье приводится рассказ автора стихов о реакции слушателей на имя протопопа) и в стихах В. Ф. Бокова. Письмо Виктора Бокова к В. И. Малышеву 1970 г. показывает, что стихотворение «Старые бани», как и стихи Ольги Берггольц, производило сильное впечатление на слушателей. В. Ф. Боков пишет: «Я ведь лет шесть жил рядом с Пафнутьевым монастырем на Протве, потому и получились “Старые бани”. Их прочел на моем вечере Иван Русинов, у меня, да и у многих, мурашки по спине побежали, зал устроил овацию в честь автора».⁸

⁶ Особенно много выписок об Аввакуме 1970-х гг. из разнообразных источников принадлежит А. В. Храбровицкому.

⁷ Совещания и конференции, организованные Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1962—1972 гг. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 379.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, № 227, л. 13. Письмо В. Ф. Бокова от 2.11.1970 г.

В. И. Малышев отмечает те качества Аввакума, которые, несмотря на неприятие некоторых убеждений протопopa, дороги тому или иному поэту. Завершая статью, Владимир Иванович суммирует черты воссозданного поэтами характера Аввакума и соглашается: «...таким, в общем, в действительности и был протопop Аввакум, таким мы его знаем по его сочинениям и описаниям его современников».

Статья ценна не только любопытным анализом стихотворений более чем двадцати советских поэтов, взглядом ученого на современную словесность, наблюдениями его над художественной интерпретацией образа Аввакума в поэзии, вниманием к впечатлению, вызванному судьбой протопopa. К статье были подготовлены два приложения. Первое из них — «Список неопубликованных стихотворений советских поэтов о протопope Аввакуме». В сноске сообщается, что эти тексты хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в фонде В. И. Малышева (фонд начал формироваться еще при жизни ученого, в 1960 г.) Однако стихов там нет, несмотря на наличие писем от указанных адресатов. Почти все неопубликованные стихи, в том числе и в автографах, находятся в папке «Аввакум в художественной литературе», что еще раз говорит о незавершенности работы над статьей. Второе приложение — «Протопop Аввакум в русской поэзии XVIII—XX вв. (материалы для библиографии)» — представляет собой, вероятно, не вполне заверченный свод всех находок предшествующих лет.

Переписка В. И. Малышева с советскими поэтами, хранящаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, показывает, что роль ученого не ограничивалась чтением стихотворений об Аввакуме, их коллекционированием. Это была во многом роль вдохновителя, который понимал силу поэтического слова в утверждении памяти о протопope Аввакуме.⁹ Малышев предлагал поэтам темы, в которых исторический облик Аввакума раскрывался бы с большей полнотой, даже намечал сюжетную линию будущего стихотворения. Однако, судя по переписке, знание о существовании столь требовательного читателя нередко сковывало творческую свободу — и поэты оставляли тему.

Малышев приглашал поэтов в Пушкинский Дом, показывал им древнерусские рукописи и рукописи нового времени, дарил отпечатки своих статей. Автор «Старых бань» Виктор Боков писал ученому: «Довез, довед до Москвы все ваши реликвии и уже хвастаюсь! А ттец Иван Русинов сказал — Викторушко, гордись, что тебя процитировал Малышев. <...> Я счастлив, что был в Пушкинском Доме, что видел рукописи, руку Аввакума. Ведь я его люблю с юности. Это спутник моего духа, моего стояния на земле. “Аввакум в Боровске” — попробую».¹⁰ В следующих письмах поэт, правда, стремился переменить порученную ему тему: «А я стихи новые написал и посвятил их Вам, и там есть Аввакум. А что касаето “Аввакума в Боровске”,

⁹ Известно, что В. И. Малышев собирал также сведения о воплощениях образа протопopa в изобразительном искусстве, дарил художникам готовые сюжеты будущих картин. Эта работа по увековечению памяти об Аввакуме в слове и кисти, как представляется, сродни действиям Владимира Ивановича по установке памятника Пустозерску, а также сбывшемуся замыслу назвать именем Пустозерска парход.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, № 227, л. 2—3. Письмо В. Ф. Бокова от 8.12.1969 г.

это не сразу».¹¹ И год спустя: «Аввакума пока не трогаю. Собираюсь зимой в Тюмень (там меня полюбили), заеду в Тобольск, тогда попробую взять сюжет Аввакум в Тобольске».¹²

Поэт и художник Лев Рыжов в свою очередь благодарил В. И. Малышева: «В Москве мне не верят, что я видел подлинные рукописи Пушкина. Говорят, это фотокопии. Еще раз сердечно благодарю Вас за радушный прием».¹³ Письма Л. М. Рыжова обнаруживают сочувствие ученому, беспокойство за него: «Из больницы не рвитесь. А то вы как выйдете, сразу опять на себя все бремена навалите и до поздней ночи работать будете. <...> У меня есть доктора знакомые. Одного зовут Пантелеймон, а других Козьма и Дамиан. Они ничего не берут за прием, бессребреники. Я их прошу о вас».¹⁴ В эти же годы Лев Рыжов собирал антологию стихотворений о Богородице, просил ученого подсказать старинные стихи о Ней. Поэт стал московским помощником Малышева, узнавал о интересующих его коллекционерах, сообщал о найденных письмах Н. А. Клюева («их владелица говорит, что отдаст их только в ваши руки»¹⁵), собирал среди своих знакомых новые материалы об Аввакуме: «...еще в одном месте обещали, если что будет об Аввакуме, сказать мне»;¹⁶ «Об Аввакуме у одного моего знакомого художника есть написанная им хорошая икона. <...> Ожидаются (пишутся) у одного поэта стихи об Аввакуме».¹⁷

После публикации в 1965 г. в «Огоньке» отрывка из поэмы «Аввакум» В. Д. Федорова Владимир Иванович начинает переписку с поэтом о замысле будущей поэмы.¹⁸ В письмах Василия Федорова слышен отклик на горячее участие ученого, поэт пишет Малышеву: «Большое спасибо Вам за “Протопопицу” и за подарок. Правда, французского я не знаю, но мне приятно иметь Вашу работу с добрыми пожеланиями успешно закончить “Аввакума”. <...> Спасибо за участие в моей работе и за богатые материалы, которые Вы мне даете. Я ими непременно воспользуюсь. Протопопица у меня займет в поэме, думаю, видное место. “Муж — пророк, он сильный, а легко ли ей, грешной русской бабе, наравне с пророком!” — эта мысль

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, № 227, л. 4. Письмо В. Ф. Бокова от 4.01.1970 г.

¹² Там же, л. 10. Письмо В. Ф. Бокова от 9.10.1970 г.

¹³ Там же, № 1072, л. 4. Письмо Л. М. Рыжова от июля 1967 г.

¹⁴ Там же, л. 5. Письмо Л. М. Рыжова без даты.

¹⁵ Там же, л. 6. Письмо Л. М. Рыжова от августа 1967 г. Возможно, речь идет о Н. Ф. Христофоровой, см.: *Азадовский К. М.* «Сестра по упованию» // *Звезда*. 2013. № 9.

¹⁶ Там же, л. 13. Письмо Л. М. Рыжова от октября 1967 г.

¹⁷ Там же, л. 30. Письмо Л. М. Рыжова от декабря 1972 г.

¹⁸ Комментарий В. Д. Федорова к фрагментам поэмы об Аввакуме опубликован: *Грегишкин С. С., Маркелов Г. В.* И. В. И. Малышев в переписке с русскими советскими писателями. И. В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры // *Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования*. Л., 1990. С. 281–298. Здесь же изданы письма Б. В. Шергина (стихи «Петрович — сокбл // улетел высокб...»), которые выдаются Шергиным за колыбельную песенку, слышанную от пинежской крестьянки С. И. Черной) и В. Т. Шаламова (размышление о стихотворении «Аввакум в Пустозерске»). Эти письма, вдохновленные вопросами ученого, содержат интересные комментарии поэтов к своим стихам.

позднее получит, думаю, подробную расшифровку».¹⁹ Поэму, к сожалению, закончить не удастся, в 1971 г. Василий Федоров пишет: «Не без чувства стыда сообщаю Вам, что в моем двухтомнике напечатана та самая глава “Аввакум”, которую Вы знаете по “Огоньку”».²⁰

Другие поэты, вдохновляемые В. И. Малышевым на стихи об Аввакуме, порой оставляли усилия по внешним причинам. Так, Алексей Марков в письме 1968 г. пишет: «Я получил поэмку Несмелова. Спасибо. Она мне нравится своим стихом, но направлена не в завтрашний, а во вчерашний день. Это плохо. Василий Федоров узнал, что я собираюсь писать об Аввакуме и перестал со мной здороваться. А у меня немного добрых знакомых, как он. <...> остановился на вступлении к Аввакуму. На днях вышлю Вам его. Продолжать не буду. Боюсь, Вам это стихотворение не понравится».²¹

Иногда поэты первые присылали Малышеву свои стихи, откликаясь на его статьи об Аввакуме, на его идею о собирании полной библиографии о протопопе. В. В. Смиренский пишет в 1969 г.: «Моя поэма не опубликована, но мне хотелось бы, чтобы она была включена в библиографию литературы об Аввакуме».²² В ответном письме Малышев, очевидно, задал несколько известных вопросов, которые он обращал к своим корреспондентам-поэтам, и письмо В. В. Смиренского позволяет их восстановить: «1) Больше ничего о протопопе не писал. 2) Старинная книга у меня только одна <...>. 3) Статью Вашу о протопопе я читал последнюю в “Рус<ской> литературе” <...>. 4) По-моему, были чьи-то стихи в “Литер<атурной> России” об Аввакуме в прошлом году».²³ В последующих письмах Смиренский обещает: «И впредь буду ловить каждое печатное слово о протопопе»,²⁴ — и действительно сообщает о своих находках.

Статья «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов» вобрала в себя лишь малую часть обширной работы ученого по поиску свидетельств жизни образа Аввакума в современности. Убедительное и емкое поэтическое слово становится в статье тем новым языком, который позволяет ученому говорить о значимости личности Аввакума. Тот факт, что статья не была опубликована, возможно, объясняется самой природой материала — ему, все более расширяющемуся, трудно было подвести итог. Голос Малышева для советских поэтов был голосом человека, как будто знавшего протопопу лично и потому внушавшего чувство ответственности перед историческим Аввакумом.²⁵

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, № 1254, л. 2. Письмо В. Д. Федорова от 17.03.1965 г.

²⁰ Там же, л. 5. Письмо В. Д. Федорова от 15.11.1971 г.

²¹ Там же, № 804, л. 3. Письмо А. Я. Маркова от 3.12.1968 г.

²² Там же, № 1133, л. 1. Письмо В. В. Смиренского от 20.02.1969 г.

²³ Там же, л. 2. Письмо В. В. Смиренского от 9.03.1969 г.

²⁴ Там же, л. 4. Письмо В. В. Смиренского от 28.03.1969 г.

²⁵ Тема продолжает быть важной и сегодня. К. Я. Кожуриным собрана антология, в которой представлены стихи Дм. Мережковского, П. Шмакова, Н. Клюева, М. Волошина, А. Несмелова, В. Шаламова, В. Федорова, Ю. Друниной (Протопоп Аввакум в русской поэзии / Сост. К. Я. Кожурин. М., 2011). Взгляды предшественников пересматриваются и дополняются современными исследователями. Так, новый вариант обзора, некогда предложенного А. И. Мазуниным, можно прочесть в статье: *Кугинский Р. Ю.* Художественная интерпретация «Жития протопопы Аввакума» в поэтиче-

ских переложениях конца XIX — начала XX в. // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 74—1. С. 268—273. Назовем также некоторые другие работы: *Ерохина И. В.* Образы боярыни Морозовой и протопопа Аввакума в поэзии Анны Ахматовой: (К вопросу о формировании семантической многоуровневости текста) // Изв. Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 1. С. 251—257; *Зиневич А. Н.* Протопоп Аввакум в интерпретации М. А. Волошина // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 59—64; *Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова и В. Т. Шаламова // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: Материалы Международ. науч. конф. М., 2007. С. 301—315.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В. И. Малышев

Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов*

Интерес к личности и творчеству протопопа Аввакума со стороны советских поэтов проявился очень рано. Начало этому положили поэты старшего поколения, вступившие в литературу еще до 1917 года. Это обращение было во многом обусловлено драматизмом революционной эпохи. Каждый поэт, обращавшийся к Аввакуму — одному из самых драматических персонажей русской истории, — стремился понять его образ через призму личного поэтического восприятия происходивших событий.

Уже в 1918 г. Максимилиан Волошин создает поэму «Протопоп Аввакум», являющуюся по существу стихотворным переложением Жития Аввакума и некоторых других его произведений. Волошин пытался остаться в стороне от происходивших тогда событий, и сообразно этому настроению он рисует Аввакума терпеливым аскетом-страдальцем, посланным на землю Богом для примера и во искупление грехов. Поэма изобилует образными иносказаниями и символами. Аввакум Волошина сентиментально-гуманистичен, в нем нет и следа исторического Аввакума-борца.¹

Иначе подошел к трактовке образа Аввакума Андрей Глоба, написавший почти одновременно с Волошиным две драматические стихотворные сцены о протопопе Аввакуме для своей драмы «Стенька Разин»: суд над Аввакумом в 1667 г. и разговор Аввакума с Лазарем в Пустозерской земляной тюрьме.² Уже одно включение имени Аввакума в разинскую тему гово-

* Статья В. И. Малышева публикуется по машинописи с незначительной рукописной правкой автора. Исправлены очевидные пунктуационные и орфографические изъяны машинописного набора; несколько модернизировано оформление библиографических ссылок.

¹ *Максимилиан Волошин.* Протопоп Аввакум // Родная земля. Киев, 1918. № 1. С. 13—31. Также: *Максимилиан Волошин.* Демоны глухонемые. Изд-во «Камена»: Харьков, 1919. Подробнее о поэме см.: *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 409—410.

² *Андрей Глоба.* Протопоп Аввакум: (Сцены из драмы «Стенька Разин») // Жизнь. М., 1918. № 49, 23 июня. С. 3; № 50, 25 июня. С. 3. Первая сцена (суд над Аввакумом в 1667 г.) перепеч.: *Андрей Глоба.* Стенька: (Сцены) // Московский понедельник. 1922. № 8, 7 авг. С. 3. М. Осоргин во «Временнике общества друзей русской книги» (Париж, 1932. Т. 3. С. 55) сообщает, что в 1921 г. в Московской книжной лавке писателей продавалась за 15 000 рублей рукописная книга, оформленная самим автором: *Глоба Андрей.* Протопоп Аввакум: Сцены. 1921. 20 страниц в обложке. Размер 18 × 11 см.

рит об ином подходе к изображению героя. И действительно, в противоположность волошинскому Аввакуму Глобы смелый, твердый, активный, непобежденный деятель, не боящийся говорить дерзкие слова в лицо самому царю. Отстаивая свои убеждения, он готов ради этого пожертвовать даже своими собственными детьми. Аввакум не крестьянский вождь, подобный Разину, его занимают прежде всего церковные дела, защита священной старины, но за это он яро борется и страдает. И когда поп Лазарь сообщает ему об успехах разинского движения, о том, что пали Царицын и Астрахань и «войска царского и воевод много побито», и задает ему вопрос — «А к чему все это, ума не приложу», Аввакум ему отвечает:

К добру, Лазарь — божья душа, к добру!

На повторный вопрос Лазаря, а «как понимать надо добро, Петрович?», Аввакум разъясняет своему соузнику по тюрьме, что это есть возмездие «князьям мира» за их «гонения». Этим эпизодом А. Глоба выразил свое понимание демократизма Аввакума, его кровной связи с черным народом, гордимым «князьями мира», в защиту которого выступил С. Т. Разин.

Возможно, те же самые представления о личности Аввакума побудили поэта Александра Ширяевца (А. В. Абрамова) в своей поэме «Мужикослов», написанной в 1921 году и воспевающей приход Октябрьской революции в бунтарско-романтическом свете, как освобождение обездоленной гольтыбы, также упомянуть в «мужицкой думе» Аввакума рядом с Разиным:

Распалась мужицкая дума!
Чу: засеченных смертный крик!
Брызжут искры костра Аввакума!
Слышу Разина грозный зык!³

В те же годы образ Аввакума появляется в нескольких стихотворениях Николая Клюева. Восприятие Клюевым Аввакума связано с пониманием поэтом революции. Потеря душевного равновесия, беспокойство, растерянность перед случившимся, жалость, тоска по уходящему патриархальному быту, страх перед новой неведомой культурой слышится в строках Н. Клюева, посвященных Аввакуму:

Не сжигают ли Аввакума
Под вороний несметный грай...?
От бухар до лопского чума
Полыхает кумачевый май.⁴

Тот же смысл имеют упоминания Аввакума и в других стихотворениях поэта.⁵

³ Александр Ширяевец. Мужикослов. Изд-во «Круг»: М.; Пг., 1923. С. 22. Также: Александр Ширяевец. Избранное. Куйбышев, 1961. С. 176—177.

⁴ Николай Клюев. Львиный хлеб. М., 1922. С. 7.

⁵ Еще Аввакум упоминается у Н. Клюева: Николай Клюев. Медный кит. Пг., 1919. С. 109. Николай Клюев. Песнослов. Кн. 2. Пг., 1919. С. 140, — и в не опубликованной у нас поэме «Погорельщина», в которой Аввакум вместе с Феодосием Печерским выступает защитником обиженных.

И в 20-е, и в 30-е годы основная линия русской поэзии шла вне далеких исторических тем. В связи с этим в 30-е годы образ Аввакума почти совсем исчез из русской поэзии. Он снова появился в ней лишь в годы Великой Отечественной войны. В блокадном Ленинграде образ Аввакума вдохновил Ольгу Берггольц на такие строки, обращенные к женщинам — защитницам города:

Ты русская дыханьем, кровью, думой,
 В тебе соединилось не вчера
 Мужичье терпенье Аввакума
 И царская неистовость Петра.
 Такая отграненная упорством,
 Твоя душа нужна твоей земле...
 Единоборство? Пусть единоборство!
 Мужайся, стой, крепись и — одолей.⁶

О. Ф. Берггольц рассказывала автору, что, когда она читала стихотворение в воинских частях, оборонявших Ленинград, эти строки производили сильное впечатление на слушателей. К ней не раз подходили воины и спрашивали, кто такой был Аввакум, интересовались его судьбой.

В последние два десятилетия, в связи с общим подъемом культуры в нашей стране и большим вниманием к наследию прошлого, заметно увеличился интерес к протопопу Аввакуму — выдающемуся писателю XVII века. За это время изданы тридцатитысячным тиражом избранные сочинения Аввакума, напечатано отдельно его *Житие*; в научных изданиях, журналах и газетах появилось несколько десятков статей о его жизни и творчестве. Возросший интерес к личности Аввакума нашел отражение и в творчестве советских поэтов самых различных направлений.

В 1965 году большой отрывок из поэмы «Аввакум» напечатан Василием Федоровым. Стремясь воссоздать стиль и атмосферу *Жития*, дух эпохи, В. Федоров обильно использует фразеологию *Жития*, словечки и обороты из сочинений Аввакума и из других памятников старорусской художественной и деловой письменности. Созданный им образ Аввакума, вождя-борца, не лишен выразительности, силы и правдивости, а отдельные стихи — глубины мысли, но в целом отрывок носит следы внутренней расплывчатости, противоречивости и страдает неоправданными поэтическими излишествами (эпизод с Иваном Федоровым, сцена встречи со Степаном Разиным и др.).

Заслугой поэта надо признать, что он попытался начертить характер Аввакума, как он его понял, представить деятельность Аввакума на фоне общественно-политической жизни того времени и, в общем, правильно осмыслить идеологическую платформу раскола, идейным вдохновителем которого был Аввакум. Сильное впечатление оставляет образ Никона, картина спора в Патриаршей палате, строки о праве на свободу совести, за что так яростно всю жизнь боролся и умер Аввакум:

⁶ *Ольга Берггольц*. *Лето сорок второго года* // Ленинград: Стихи и поэмы. М., 1944. С. 54. Также: *Ольга Берггольц*. *Стихи*. Проза. М.; Л., 1961. С. 401.

Крепко веры слово,
 Ежели в цепях
 Это слово веры
 Людям говорится.
 — Верую до смерти,
 Якоже приях!⁷

Стихотворение Варлама Шаламова «Аввакум в Пустозерске», написанное в 1954 г., своеобразно по форме и содержанию. Это монолог Аввакума, обращенный к читателю, исповедь Аввакума перед слушателями, в которой дается оценка своей деятельности, высказываются взгляды на существо и характер церковных реформ, сущность полемики, которая простирается далеко за пределы церковной проблематики. Автор видит в Аввакуме героя народной борьбы. Не случайно, что последние строки его стихотворения (о пепле, стучащем в людские сердца) перекликаются со строками романа Шарля де Костера о борце за народную свободу Тиле Уленшпигеле. Не случайно поэтом выбрана и простая форма стиха, напоминающая, по его словам, «вяканье» Аввакума. Стихотворение носит следы автобиографичности, авторского раздумья над некоторыми вопросами современной жизни. Оно является и как бы ответом на стихотворение Михаила Скуратова (о нем речь будет ниже), в котором раскол понимается как сугубо религиозное движение. Вот как В. Шаламов рассматривает сущность полемики Аввакума:

Сердит и безумен
 Я был, говорят,
 Страдал-де и умер
 За старый обряд.

Нелепостен этот
 Людской приговор:
 В нем истины нету
 И слышен укор.

Ведь суть не в обрядах,
 Не в этом — вражда.
 Для божьего взгляда
 Обряд — ерунда.

Мне рушили веру
 В дела старины
 Без чести, без меры,
 Без всякой вины.

И гнали на плаху,
 Тащили в тюрьму,

⁷ Василий Федоров. Аввакум: Из поэмы // Огонек. 1965. № 6. С. 15.

Покорствуя страху
В душе своему.

Наш спор — не церковный
О возрасте книг,
Наш спор — не духовный
о пользе вериг.

Наш спор — о свободе,
О праве дышать,
О воле Господней
Вязать и решать.⁸

В. Шаламов правдиво подходит к объяснению личности Аввакума. Образ Аввакума у него получился яркий, запоминающийся. Это подлинный борец, готовый «до самой смерти» стоять за свои убеждения. Не совсем понятно, зачем автору понадобилось вольное обращение с отдельными фактами. Он пишет, например, что Аввакуму «вырвали ноздри на горной реке», но протопопу никогда и нигде ноздрей не вырывали.

Своеобразное стихотворение об Аввакуме принадлежит Виктору Бокову. В нем поэт пытается творчески воссоздать частицы душевного мира Аввакума и его жены Анастасии Марковны, невидимые нам; сложность их жизни, нежность, силу и трепетность отношений между ними. На фоне старого деревенского быта, русской природы его зарисовки приобретают необычайную глубину. Поэту удалось найти верное слово, чтобы передать все это поразительно просто и в то же время ярко и выразительно. Позволим себе привести это оригинальное стихотворение полностью:

Старые бани

Старые бани по-черному топятся
В старой деревне, в березовом шуме.
Так вот и ждешь, что пройдет протопопица,
Скажет: — Подай мне воды, Аввакуме!

Скажет: — Крапивки бы, что ли, пожаловал,
Тело ожечь, постонать телесами... —
Выйдет из бани большая, державная,
Бедр — жаровней, спина — полосами.

— Эй, Аввакумушка, дай-ка холодненькой,
Пар одолел, мне бы охолонуться,
Да ты не гляди, не пугай меня, родненький,
Совесь берет, даже страх оглянуться!

А протопоп — ох, хитрюга и бестия! —
В щелку заглянет очами сверкучими.

⁸ Варлам Шаламов. Дорога и судьба. М.: «Советский писатель», 1967. С. 81.

— Матушка! Полно стыдиться-то, вместе мы,
Мы для себя, как два солнца за тучами.

Ты уж дозвожь мне холстину-простину
Тихо надеть на покатоe плечико.
— Ладно уж, ладно, не видишь — я стыну,
Побереги-ка для ночи словечико!

Звезды в соломенной крыше как голуби,
Только что нет воркования нежного.
Жгет Аввакум свое сердце глаголами,
Веру отстаивает пуще прежнего.

— Матушка, где мы?
— В дороге, болезный мой,
В ссылке, в опале проклятого Никона.
— Тяжко мне!
— Милый, идем-то по лезвию,
Веру несем неподкупно великую!⁹

Глубокое понимание образа Аввакума отразилось в стихах Николая Рыленкова:

О протопоп строптивый Аввакум!
Я вижу, Житие твое читая,
Как, над церковным спором вырастая,
Вбирал в себя ты боль народных дум.
С той болью, простодушен и суров,
Встал на костер ты без мольбы во взоре,
А если бы врагов осилил в споре —
Сам для костров не пожалел бы дров.¹⁰

Стихотворение Н. Рыленкова является как бы лирическим комментарием к словам Аввакума в первой челобитной царю Алексею Михайловичу, в которой он печалится о положении страны: «не мало нам знамение: моровое поветрие, и десять лет мечь проливает христианскую кровь, и во всяком граде и в странах велие нестроение и туга велика. Всюду слезы, и рыдание, и стонание велие, паче же и нужных лишение».¹¹

Несколько стихотворений советских поэтов посвящено пребыванию Аввакума в «студеной» башне Братского острога в 1656 году. От сооружения острога до нашего времени сохранились две башни. Согласно местному преданию, в одной из них сидел Аввакум. Сейчас одна из этих башен находится в Коломенском, другая — в Новом Братске.

⁹ Виктор Боков. Алевтина. М.: «Советский писатель», 1968. С. 56—57.

¹⁰ Николай Рыленков. Надпись на «Житии протопопа Аввакума» // Огонек. 1969. № 6. С. 9.

¹¹ Памятники истории старообрядчества XVII в. (Русская Историческая библиотека. Т. 39), Кн. 1, вып. 1. Л., 1927. Стб. 733.

Стихотворение сибиряка Михаила Скуратова является главой его поэмы «Сибирская родословная», написанной в 1934 году. Следуя за житием, широко используя его фразеологию, цитаты, поэт переложил в стихи отдельные эпизоды Аввакумовой биографии (видение ангела в Андрониевом монастыре, суд над Аввакумом, известный разговор протопопа с женой на пути в Даурию и др.) и попытался воссоздать образ «огнепального мужа», получившийся в целом удачным, привлекательным своей убежденностью и страстностью. По определению М. Скуратова, Аввакум был «совестью века и буйства примером», он «сознал величие Москвы да Руси». «Беда» «озорного» протопопа, по мнению автора, заключается в том, что он растратил народные и свои могучие силы, талант «прирожденного вождя» не на то, на что надо бы, а «впустую»:

Ему б порадеть зипунишкам народным,
 водить за собой мужиков обнищальных,
 а он их повел на костры!.. И, не дрогнув,
 Предвидел их смерть в бердышах и пищалях!

Хотя глава и носит название «Узник Братского острога», о самом сидении Аввакума в башне в стихотворении говорится как бы мимоходом в начале и конце текста. Поэту важно было нарисовать образ самого сидельца-борца, как он его понимал.¹²

Упрек, содержащийся у М. Скуратова, — «общее место» у многих поэтов, обращающихся к Аввакуму. Спор никониан и приверженцев старины изображается обычно «глупым», протест Аввакума — бессмысленным. Это — следствие неисторического подхода к Аввакуму.

Запечатляющиеся строки об Аввакуме принадлежат Ярославу Смелякову в стихотворении о Братске. Они навеяны видом башни этого острога. Как признается Смеляков, она из «внешности всегдашней... явилась крупно перед ним» и сразу же напомнила поэту, что:

В ее узилище студеном,
 двуперстно осеня лоб,
 еще тогда, во время оно,
 молился ссыльный протопоп.

Стихотворение показывает серьезное понимание поэтом образа «мятежного пастыря», который «не умел послушным быть» и которого никак «не могли его владыки ни обломать, ни улестить», ни «пирогом и батогом». Осуждая Аввакума за слепое следование букве обряда, за ограниченность мышления («книжник дикий»), Смеляков в то же время видит в протопопе человека могучей воли и убежденности, усматривает в его характере присущие русскому человеку черты упорства, готовности самопожертвования

¹² Михаил Скуратов. Сибирская родословная, или Сказания о Братском остроге // На рубеже времен. М.: «Советский писатель», 1963. С. 126—130. М. Скуратов вспоминает об Аввакуме также в поэме «В селе Коломенском», в которой царь приказывает Аввакума, за то что он «опять смутьянит» и «лает» царя и бояр, сослать в Пустозерск. См. в кн.: Михаил Скуратов. Всполохи. М.: «Советский писатель», 1958. С. 125—126.

ради дела, в которое он верит. Этой своей чертой он дорог поэту, как дорог и своею ролью в истории русского языка:

Ведь он оставил русской речи
И прямоту и срамоту,
Язык мятежного предтечи,
Светившийся, как уголь во рту.¹³

Примечательны последние строки стихотворения. Они как бы по-новому осмысливают знаменитые пушкинские строки о роли поэта — «глаголом жечь сердца людей».

Небольшое стихотворение Владимира Демидова написано также под впечатлением осмотра поэтом башни в Братске. Оно перекликается отдельными мотивами со стихотворением Ярослава Смелякова и, возможно, возникло не без его влияния. Аввакум характеризуется в нем как «воинственный не в меру» и «непокорный русский человек». Стихотворение страдает некоторыми неточностями. Поэт, например, не знает, что Аввакум был сожжен на костре в Пустозерске.¹⁴

Вспоминают протопопа Аввакума в стихотворениях про Братскую ГЭС Яков Белинский и Евгений Евтушенко.

У первого в стихотворении «Жгут старый Братск» объятый пламенем город вызвал ассоциацию с Аввакумом на костре, и получился очень сильный образ:¹⁵

А город, прохрапев: воды! —
Как Аввакум горящий страшен,
Поднявший факел бороды.¹⁶

Второй поэт, рассказывая про сибирских «вольнодумцев», противопоставляет им Аввакума, говоря:

Протопоп Аввакум,
 протопоп Аввакум,
ты компании этой не сват
 и не кум.
Твои ноги устали от ржавых желез.
Холодна власяница туманов.
Ты о чем размышляешь у Братской ГЭС
Среди тихих,
 как дети, шаманов?¹⁷

¹³ Ярослав Смеляков. Один день: Из новой книги // Правда. 1966. 27 февр. № 58.

¹⁴ Владимир Демидов. В Братске // Комсомольская правда. 1968. 2 авг.

¹⁵ Старый Братск сожгли, чтобы его строения не гнили потом на дне Братского моря.

¹⁶ Яков Белинский. Жгут старый Братск // Знамя. 1964. № 5. С. 128.

¹⁷ Евгений Евтушенко. Братская ГЭС: Главы из поэмы. Байкал, 1964. № 3. С. 49. (стихи «Призраки в тайге»). Позднее Евтушенко убрал четыре первые строки приведенного текста, а пятую переделал так: «Протопоп Аввакум, ты устал от желез». См.: Евгений Евтушенко. Братская ГЭС: Стихи и поэмы. М.: «Советский писатель», 1967. С. 149.

О знакомстве с Аввакумом, его сочинениями и биографией свидетельствуют и следующие стихи советских поэтов.

Поэт Дмитрий Семеновский в стихотворении «Юрвец» пишет, что «вот по этим тропинкам ступал протопоп Аввакум», проживавший, действительно, в этом городе в 1652 году.¹⁸ Александру Прокофьеву в стихотворении «Слово» вспомнились «тяжелые думы — Аввакумовы».¹⁹ В двух стихотворениях о Печоре упоминает Аввакума Николай Тряпкин, обращаясь с его именем в обоих случаях довольно вольно: в первом у него «спешат “заробить” трудодней старцы Аввакумы»,²⁰ во втором он приписал ему составление «староверского» устава — произведения более позднего времени:

Тот «Устав» сотворил сам отец Аввакум
Во спасение древлего нрава.²¹

«Мятежного Аввакума» не забыл назвать поэт Сергей Поликарпов, описывая сожжение инока Епифания, казненного одновременно с Аввакумом в Пустозерске.²² «Отшельником Аввакумом» почудился Андрею Вознесенскому «старец», одиноко «мерцающий» в углу пустынного эмигрантского ресторана в Париже,²³ хотя «отшельником» Аввакум никогда не был.

Таким образом, разобранные нами стихи советских поэтов об Аввакуме (учтено, думается, далеко не все) дают основание говорить о популярности, известности его имени в среде советских писателей и свидетельствуют о том, что литературное наследие этого выдающегося писателя прошлого все глубже и прочнее входит в сокровищницу национальной культуры, занимая в ней уже сейчас видное место.²⁴ Обращение поэтов к личности и творчеству протопопа Аввакума следует рассматривать как важный этап в освоении лучших традиций отечественной культуры, как выполнение завета М. Горького, еще в 1934 году призывавшего писателей к изучению литературного мастерства Аввакума, язык и стиль сочинений которого остается, по определению М. Горького, «непревзойденным образцом письменной и страстной речи борца».²⁵ М. Горький особенно подчеркивал народную основу языка писаний протопопа. Советские поэты — наследники передового опыта русской культуры — продолжают линию прогрессивной части русской литературы и общественной мысли прошлого, видевшей в Аввакуме прежде всего выдающуюся личность, огромной силы и страстности ли-

¹⁸ Дм. Семеновский. Юрвец // Избранное. М.: «Советский писатель», 1957. С. 63.

¹⁹ Александр Прокофьев. Слово: Из новых стихов // Известия. 1964. № 82. 5 апр.

²⁰ Николай Тряпкин. Черная Печорская тайга // Перекрестки: Стихи. М.: «Московский рабочий», 1962. С. 117.

²¹ Николай Тряпкин. Савелий пижемский // Гнездо моих отцов: Стихи. М.: «Советский писатель», 1967. С. 53.

²² Сергей Поликарпов. Инок Епифаний // День поэзии. М., 1968. С. 87.

²³ Андрей Вознесенский. В эмигрантском ресторане // Треугольная груша. М.: «Советский писатель», 1962. С. 48.

²⁴ Недостаток времени и места не позволил мне остановиться на стихах, посвященных Аввакуму и находящихся еще в рукописях. Среди них есть очень хорошие и яркие. Мне известны стихи М. Борисовой, А. Волохонского, Я. Гордина, Н. Ладыгина, А. Маркова, А. Пряникова, В. Смиренского, Л. Рыжова, Л. Хаустова, Б. Шергина и В. Язвицкого.

²⁵ Горький М. Собр. соч. М., 1953. Т. 27. С. 166.

тературный талант, писателя-борца, у которого есть чему поучиться. Так, например, смотрели на протопопа Аввакума Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, Н. В. Шелгунов, В. М. Гаршин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. А. Бунин, А. Н. Толстой и многие другие писатели и общественные деятели XIX—XX вв.

Цельность и сила человеческой природы, выдающийся литературный талант, богатство, разнообразие и яркость народного языка — вот в конечном итоге то, что определило обращение поэтов к личности протопопа Аввакума.

Рассмотренные стихи советских поэтов показывают, что большинство их авторов продолжает наметившуюся правильную линию рассматривать деятельность Аввакума в тесной связи с общественными движениями его эпохи. Отсюда попытки сопоставить его с Разиным, найти общее и несходное в чертах этих двух разных по направлению вождей (А. Глоба, А. Ширяевец, Н. Клюев, В. Федоров). Нужно, однако, сказать, что во многих из таких попыток отсутствует последовательный историзм. Поэтов, естественно, интересовал характер Аввакума. Если суммировать, как он воссоздан большинством из них, то перед нами возникает образ цельной человеческой природы, сложной и противоречивой, но наделенной огромной силой воли духа и тела, убежденностью, страстностью пророка и в то же время человека, не лишённого людских слабостей, способного на самые нежные чувства, вплоть до сентиментальности. Аввакум впитал в себя и выразил народные думы, был «совестью века» (Н. Рыленков, Я. Смеляков, М. Скуратов). Ярослав Смеляков, кроме того, попытался оценить новаторское значение творчества Аввакума для истории русской культуры и языка. Характерно, что почти все поэты усмотрели в Аввакуме демократизм и бунтарскую сущность его действий. Таким, в общем, в действительности и был протопоп Аввакум, таким мы его знаем по его сочинениям и описаниям его современников. Это, однако, не означает, что поэт не имеет права привносить в образ Аввакума свои элементы художественного домысла, выражать свое понимание тех или иных поступков или сторон характера героя. При этом эти истолкования у поэта могут отличаться от истолкований ученого. Поэтому содержащиеся выше критические замечания направлены лишь против искажения самой сути характера и деятельности Аввакума.

В этом обзоре мы не ставили своей задачей полный анализ художественных достоинств этих стихов. Нас интересовало в первую очередь то, насколько правильно и полно поняли поэтами Аввакум как личность в его связи с исторической действительностью.

Приложение I

Список неопубликованных стихотворений советских поэтов о протопопе Аввакуме²⁶

Борисова Майя Ивановна (Ленинград). Диалоги из серии «Да горю с тобой и я...». Эпизод 1. Аввакум и Архимандрит («Архимандрит (озира-
ясь): Эй, протопоп! Да где ты тут?...»)²⁷

²⁶ Тексты хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, ф. № 494.

²⁷ Помета В. И. Малышева: «Опубл.» (примеч. публикатора).

Волохонский А. (Ленинград). Аввакум («*Бывает так — уставятся скотом, дойдя до гребня выспренного тына...*»).

Гордин Яков Аркадьевич (Ленинград). Баллада о протопопе Аввакуме («*Мерцает окошко, блестит, как топор, хрустит на зубах тишина...*»).

Ладыгин Николай Иванович (Тамбов). Протопоп Аввакум («*Мук Аввакум не убоялся. О, буен, народен...*»).

Марков Алексей Яковлевич (Москва). Тень Аввакума («*Ребяшня у костра, дышит ветер покоем...*»).

Пряников Альфред (Свердловск). Баллада о жене («*Стирая голицей проклятья с губ, устав от нелегких дум...*»). Стихотворение посвящено Анастасии Марковне — жене Аввакума.

Рыжов Лев Михайлович (Москва). Монолог протопопа Аввакума («*Высоким приказом за волю царской враги мои с герною злобой дикарской...*»).

Рыжов Л. М. Протопоп Аввакум («*Колелет звезды серафим, как ветер листья крон...*»).

Смиренский Владимир Викторович (Волгодонск). Конец протопопа Аввакума (поэма) («*Пролог. Лиха мятежная обедня московского монастыря...*»).

Хаустов Леонид Иванович (Ленинград). У Падуна («*У деревянной башни, что к потомкам дошла сквозь годы, будоража ум...*»).

Шаламов Варлам Тихонович (Москва). Аввакум в Пустозерске («*Не в бревнах, а в ребрах церковь моя...*»). Расширенный сравнительно с напечатанным вариант.²⁹

Шергин Борис Викторович (Москва). Без заглавия («*Петровиз — сокол, улетел высоко...*»). Стихотворение написано в народном стиле, под колыбельную.

Язвицкий Валерий Иоилевич (Москва). Протопоп Аввакум («*Высоко над толпой, весь прикружен к столбу...*»).

Приложение II

Протопоп Аввакум в русской поэзии XVIII—XX вв.

(материалы для библиографии)³⁰

Денисов Семен. Без заглавия («*Тако страдальцев сия добра гетверица, божиих ополжений красна колесница...*») // Островский Д. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914. С. 87. Также: Oxford Slavonic papers. Vol. I. Oxford, 1968. P. 36. Как стихотворное вступление к главам о пустозерских узниках (Аввакуме, Епифании, Лазаре и Федоре) в «Винограде российском».

Кроме того, имя Аввакума в XVIII веке встречается в сатирическом изображении в стихах Антиоха Кантемира (9-я сатира и его примечания к ней), в сатире М. В. Ломоносова на Тредиаковского («Ода Тресотину»)

²⁸ Помета В. И. Малышева: «Опубл.» (примеч. публикатора).

²⁹ Аввакум упоминается у В. Шаламова также в неопубликованном стихотворении «Из Колымских тетрадей» («*Все те же снега Аввакумова века, все та же раскольнигыя злая тайга...*»).

³⁰ Произведения советских поэтов, поскольку о них говорится выше, в этот перечень не входят.

и в его поэме «Петр Великий». Оно встречается также в стихотворных народных драматических произведениях того времени, в частности: 1) «Интерлюдия, или междувброшенное забавное игралище», в которой Аввакум неоднократно упоминается в споре о вере между евреем и старообрядцем, в устах которого протопоп «славный поборник» и «старой нашей веры крепил». Ссылки на печатные издания см. в моей статье: «История первого издания Жития протопопа Аввакума» (Русская литература. 1962. № 2. С. 141); 2) «Диалог в тферской семинарии, бывый июля 8 дня». Написан, возможно, как предполагает В. П. Адрианова-Перетц, в 1743 г. преподавателем семинарии Иваном Лятошевичем (см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Из истории театра в Твери в XVIII веке // *Старинный театр в России: Сб. статей.* Пг.: Academia, 1923. С. 138).

XIX век³¹

Измайлов А. Е. Раскольник Аввакум («*Был из раскольников великий гудотворец седой, изсохший Аввакум...*») // *Русский библиофил.* СПб., 1912. С. 63, — в статье А. А. Веселовского «Сословие друзей просвещения. Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой».

Стихотворение напечатано по сокращенному варианту, хранящемуся в автографе (в двух экземплярах, чистой и белой) в архиве ИРЛИ АН СССР (отдельные поступления, № 9623 У16, л. 91—92 об.). В этом же архиве находится и расширенный вариант, с концовкой, оправдывающей притеснение старообрядцев (ф. № 461, архив А. Е. Измайлова, № 2, л. 1—1 об.). Это копия XIX в. (середина), из которой видно, что этот вариант написан в 1811 г.

Стихотворение прочтено в Обществе в 1821 г. (см.: *Благонамеренный.* 1822. № 1. С. 39).

Капнист П. И. Стенька Разин: Трагедия. Действ. 1-е (1667 г.; «*Стрелецкий нагальник. Веди сюда... Сюда его тащи...*») // *Сочинения графа П. И. Капниста.* М.: печатня А. И. Снегиревой, 1901. Т. 2. С. 259—282.

Произведение написано в 1896—1898 гг.

Степан Разин у Аввакума в темнице Андрониева монастыря.

Мережковский Д. Протопоп Аввакум: Поэма («*Горе вам, никониане! Вы глумитесь над Христом...*») // *Мережковский Д.* Стихотворения. СПб.: Типо-

³¹ Имя протопопа Аввакума в XIX веке упоминается еще:

С отрицательной оценкой, как врага просвещения и всего нового, в стихе Н. П. Огарева «Юмор» (см. мою указ. статью в ж. *Русская литература.* 1962. № 2. С. 141) и в легенде С. А. Соболевского (см.: *Соболевский С. А.* Эпиграммы и экспромты. М., 1912. С. 71). В стихотворениях старообрядцев: 1) Стихотворение — сатира на боярина и воеводу XVII века Андрея Плещеева, в котором говорится, что: «Аввакум там (в аду. — В. М.) с тобой поспорит и уверит тя о исправлении книг, и во аде вечно тя затворит» (см.: *Яцимирский А. И.* Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1897. Вып. 2. С. 131); 2) Сатира на старообрядцев-поповцев, без указания автора и заглавия («После ацких газет пришло известие на свет от Федора дьякона да протопопа Аввакума...»). Рукописный сборник старообрядческих стихов XIX в., в 8-ку, частично на крюках, л. 37—41, из собрания П. А. Бессонова, хранящегося в отделе письменных источников Государственного исторического музея (ф. № 56, рукопись по описи Н. Ф. Бельчикова № 14).

графия Тренке, 1887. С. 113—167. То же, но в урезанном виде в кн.: *Мережковский Д.* Стихотворения (1883—1887). СПб., 1888. С. 157—176. В переработанном и восстановленном варианте в кн.: *Мережковский Д. С.* Собрание стихов 1883—1903. М.: «Скорпион», 1904. С. 136—148; перепечатывалась: *Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 22, и др.

Первое издание поэмы вышло без предварительной цензуры и вызвало замечание цензора. Автора обвинили в «религиозном индифферентизме, извращении тенденциозно религиозных верований русского народа; в нарушении должного уважения к христианскому учению». Предложено исключить главы 1, 6, 7 (по книге с. 157—158, 164—167, 113, 142, 159 и др.). См. об этом: Дело III Отделения канцелярии Главного управления по делам печати с донесением комитетов о книгах, напечатанных без предварительной цензуры. № 15, 1887 г. Отношение СПб. цензурного комитета от 29 ноября 1887 г. № 1769. Хранится в архиве ИРЛИ (нешифрованный фонд). Д. С. Мережковский в письме (без даты) к А. М. Скабичевскому жалуется на то, что цензура выбросила из его поэмы «Протопоп Аввакум» целые абзацы и просит прочитать произведение «в неискаженном, доцензурном виде», ибо «там есть кое-что национальное и простое житейское» (ИРЛИ РО, ф. 283, оп. 2, № 135, л. 4—5).

Отрывки поэмы, особенно отрывок, начинающийся словами «Укрепи меня, о Боже, на великую борьбу», перешли в народные песенки XX в. (см.: ИОРЯС. 1914. Кн. 1. С. 13) и в сборники старообрядческих духовных стихов (см. сборники рукописные и изданные московскими, уральскими, саратовскими и прибалтийскими старообрядцами в 1907—1939 гг.).

Отзывы о поэме: *Миллер Ор.* Современные русские поэты: Д. С. Мережковский // *Новости.* 1888. № 29. 29 янв.; *Михайловский Н.* Дневник читателя: (Заметки о поэзии и поэтах) // *Северный вестник.* 1888. № 3. Отд. 2. С. 138—140; *Михайловский Н.* Литература и жизнь // *Русская мысль.* 1892. Кн. 5. С. 139—140; *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1958. Т. 14. С. 408—409.

XX век³²

Власов П. И. 225-летняя годовщина протопопа Аввакума («Он погиб за великое дело, за преданья родной старины...») // *Старообрядец.* Нижний Новгород. 1907. № 4. С. 448.

³² В начале XX века боровскими миссионерами было написано стихотворение «Боровск», направленное против местных старообрядцев, в котором боярыня Ф. П. Морозова называется «протопопа Аввакума двадцать первая жена» (см.: *Мальшев В. И.* Народные предания о протопопе Аввакуме // *Wiener Slavistisches Jahrbuch.* Wien, 1966. S. 27). Некоторые поэты XX века брали эпитафии к своим книгам из сочинений Аввакума. Так, например, на обложке книги — *Дмитрий Цветков.* Цветы ледяные: Вторая книга стихов. Изд-во «Очарованный странник», 1914 — стоят эпитафией слова из «Жития»: «Видим яко зима хошет быти: сердце озябло и ноги задрожали» (см.: *Русская историческая библиотека.* Л., 1927. Т. 39. Стб. 15). Укажем также, что на обложке книги Льва Жданова «Женские тени» (2-е изд. Пг.: «Прометей», 1916) сообщается о печатании в этом книгоиздательстве произведения Л. Жданова «Протопоп Аввакум». Однако оно, по-видимому, напечатано не было, и рукописного текста его мне обнаружить не удалось.

З[авьялов] П. Мученик за веру: Протопоп Аввакум («Седой, высокий, изможденный, цепями скованный кругом...») // Слово правды. М., 1907. № 7. С. 2).

Шмаков Порфирий. Аввакум и семья в изгнании: 14 апреля 1682 — 14 апреля 1908 г. («В Даурии дикой, пустынной отряд воеводы идет...») // Церковь. М., 1908. № 15. С. 559.

Стих получил широкое распространение в старообрядческой печати, переиздан в журнале «Уральский старообрядец» (1915. № 1. С. 12), вошел в сборники духовных стихов, изданных московскими, петроградскими и прибалтийскими старообрядцами в 1914—1933 гг. (см.: Духовные стихи. М., 1916. Л. 34 об. (№ 14); Сборник духовных стихотворений. Рига, 1931. Ч. 1; Духовный отдых юношества. Рига, 1932. № 12; Китежград. Каунас, 1933. № 4. С. 9 и др.).

Егоров Гавриил. Протопоп Аввакум («Расскажу я Вам повесть пегальную, — геловек тот лишь правдою жил...») // Щит веры. Саратов. 1912. № 5—6. С. 410—411. Стихотворение написано старообрядцем из с. Нидеркуны (близ Двинска) 12.04.1912 г.

[Без указания автора]. Легенда о протопопе Аввакуме («То не грозная туга надвигалася, покрывала тьмой землю-матушку...») // Три века: Исторический сб. / Под ред. В. В. Каллаша. М., 1912. Т. 2. С. 48. Стихотворение XX в., написано в стиле былины, иллюстрировано. Подлинник, принадлежавший книгоиздателю И. Д. Сытину, находится в ГПБ, F.IV.19, 1922.

[Без указания автора]. «Воззвание к Аввакуму Петровичу» («К<онд>ак 1. Окаянному воеводе Аввакуму протопопу составим похваление...»). Нижний Новгород: Типография И. А. Шелеметьева, 1912. 20 с., в 8-ку. Миссионерский памфлет на Аввакума, изложенный в виде акафиста.

Сугков К. А. Горящий огнем: (Памяти протопопа Аввакума). («Уж спу- скалася нога над усталой землей, ковром небо все туги покрыли...») // Слово церкви. М., 1917. № 48. С. 775. Стихотворение посвящено сожжению Аввакума.

Лесин А. Баллада «Иоанн Креститель и протопоп Аввакум» («Иоанн Креститель и протопоп Аввакум, они боролись с грехом так во имя Божье...») // Lider un роemen. New York. 1938. Vol. 2. P. 261—265. С иллюстрациями Марка Шагала.

Отзыв [без автора]: Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6. С. 311—312. Стихотворение написано в 1928 г.

Несмелов Арсений. Протопопица: (Поэма) («Наших прадедов Бог по- иноному ковал, отливал без единой без трещины...»). Харбин: Изд-во Н. А. Гаммера, 1939. 16 с. Произведение посвящено Анастасии Марковне — жене Аввакума.

Отзыв: Мазунин А. И. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 410—411.

Савицкий Петр. Аввакум («Широкий Божий мир любил, горел порывом правды Божьей...») // Савицкий П. Стихи. Париж, 1960. С. 191. Стихотворение написано в 1946 г.